

Дискурсы исторического познания и история как способ жизни

Розин В. М.,
Институт философии РАН

Аннотация: По мнению автора, целое истории, позволяющее ее помыслить и установить сущность, — не только интерпретации истории, но и исторический способ жизни личности и исторический способ существования культуры. Реальность истории смыкается в определенном смысле с настоящим; история не только действует на человека наподобие искусства, она опирается на исторические факты, разворачивает перед нами *истории*, ясные в событийном отношении, имеющие начало и конец, предъявляет нам знания о прошлом (в форме определенных версий, интерпретаций), полагает новую, историческую реальность в культуре. Вводится различие трех типов истории: «сюжетной», «прикладной» и «научной» («междисциплинарной»). С последним вариантом истории связан процесс концептуализации истории в философии и науке, который начинается еще в конце античной культуры и в Средние века, но по-настоящему набирает силу только в Новое время. Это не просто философское и научное осмысление исторических построений и объяснений, но и создание методологии истории и практики исторических исследований — собственно исторической науки. Сюжетная история как рассказ о прошедших событиях выступает в исторической науке только несущей эмпирической основой. В междисциплинарной истории главным выступает создание начал и идеальных объектов. С их помощью решаются теоретические и философские проблемы и задачи, которые были поставлены в ходе рефлексии по поводу событий сюжетной истории. На материале одного кейса анализируются особенности прикладной истории.

Ключевые слова: история, реконструкция, события, концептуализация, сюжет, наука, обоснование, схемы, сознание, мышление.

1. Три типа дискурсов истории: «сюжетная история», «прикладная», «история как концептуализация и междисциплинарная наука»

Шпет, ссылаясь на Бернгейма, выделяет три этапа и типа развития истории: история *повествовательная*, история *поучающая* или прагматическая и история развивающая или *генетическая*¹. Повествовательная история, по Шпету, представляет собой простой рассказ о прошедших событиях, предпринятый с эстетическими целями. Такая история создавалась на самых ранних стадиях развития. Поучающая история идет вслед за повествовательной, это такого рода обобщения и мораль, которые выступают в качестве своего рода правил или максим поведения (в роли «исторической морали»). Шпет считает, что задача обоснования таких этих правил требует от историка разыскания причин и мотивов сообщаемых им событий. Третьей самой развитой стадией выступает

¹ Шпет Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Часть 1. Перевод с лат. В. И. Коцюба, пер. с нем. и англ. В. Л. Махлин, пер. с фр. Н. Автономова, пер. с греч. М. А. Солопова. — М., 2014. — С. 35. <http://www.rulit.me/books/istoriya-kak-problema-logiki-chast-pervaya-materialy-read-418006-1.html>

генетическая история. Задача генетической истории заключается в изображении событий в их развитии и объяснении. Шпет сближает генетическую историю с философией истории, утверждая, что последняя ищет «закономерности» явлений, что в конечном счете определяет ее переход к научным понятиям, анализу «оснований» и «причин», которые, по сути, представляют собой безличные, неиндивидуальные «факторы» (нетрудно заметить, что генетическая история, по Шпету, сближается с историей междисциплинарной). Генетическая теория стремится взять свой предмет во всеобщности, во внутреннем единстве, отсюда стремление к составлению историй национальных, народов и государств.

«Таким образом, — пишет Шпет, — разница между философией истории и наукой истории не в предмете, предмет один — исторический процесс. Но этот предмет изучается в его проявлениях и закономерности и в его смысле, это изучение эмпирическое и философское. Это — не две точки зрения на предмет, а «степени» углубления в него, проникновения в него. Научное изучение ограничено тем, что оно — научное, т. е. своей логикой и своим методом, у философии иная логика и иной метод, ибо она берет *тот же* предмет, но не в его эмпирической данности, а в его идее или в его идеальной данности. Философия истории остается все-таки философией»².

На мой взгляд, эта типология и этапы построения истории верно отражают реальность, заставляя, однако, кое-что уточнить и различить. Во-первых, предполагаю, что именно в рамках описательной истории история конституировалась как такой *рассказ (происшествие, случай) о прошедших событиях, который является ясным в событийном отношении* и, кроме того, *имеет начало и конец* (например, рассказ-история о сражениях и войнах, жизни и деяниях Христа и прочее). Короче, описательная история может быть понята как «*сюжетная история*» (первый дискурс)³.

Во-вторых, поучающая история — это особый класс «*прикладных историй*» (второй дискурс), ориентированных на те или иные практики (политические, образовательные, хозяйственно-экономические и т. д.). Они могут создаваться сразу как ангажированные исторические повествования или брать как материал уже созданные истории, переписывая их под углом зрения нужного интереса. При этом задача построения поучающих историй облегчается тем, что исторический дискурс создается на основе *схем рассказа* (происшествия, случая). Прагматический историк берет эти схемы и так их трансформирует, чтобы история выглядела нужным образом (трансформацию можно понимать и как создание новых схем).

В-третьих, говоря о целом истории, нужно ввести еще одно измерение, а именно, кроме исторического образа жизни и исторического познания, необходимо рассматривать «*процесс концептуализации истории в философии и науке*» (третий дискурс). Он начинается еще в конце античной культуры и в средние века, но по-настоящему набирает силу только в Новое время. Что собой представляет процесс концептуализации истории? Не просто философское и научное осмысление исторических построений и объяснений, но создание новой методологии истории и вслед за ней новой практики исторических

² Там же. С. 39.

³ Как известно, сюжет включает в себя экспозицию или завязку, развитие действия, кульминацию, развязку, постпозицию, а в некоторых произведениях — пролог и эпилог. Сюжет разворачивается в событийном и физическом времени. Если рассмотреть эти характеристики сюжета как схему, то первый дискурс истории можно назвать сюжетно-событийным (далее просто «сюжетной историей»). К этому же дискурсу, вероятно, можно отнести и ряд исторических описаний, например, обстановки и жилья, способов жизни и обрядов, государственного устройства, поскольку без знания этих ситуаций трудно понять и исторические сюжеты.

исследований. Здесь, собственно, и складывается история как наука. Дискурс рассказа о прошедших событиях выступает в данном случае только несущей основой, главным становится, с одной стороны, построение начал и идеальных объектов, позволяющих решить ряд проблем, поставленных относительно событий, описанных в историческом рассказе, с другой — философских объяснений, проливающих свет (смысл) как на указанные события и проблемы, так и на более широкий круг проблем.

Я не случайно употребил в данном случае понятие «процесс», оно указывает на множество вариантов истории. Один полюс — простые истории-рассказы, промежуточный — разные типы историй, постепенно нарастающих уровни объяснения (причины этих событий в том-то, а причины данных причин в другом, а причины причин причин в третьем и т. д.), противоположный полюс — всеобщие и мировая истории. Концептуализация истории представляет собой процесс перехода от построений историй-рассказов с простыми объяснениями событий (например, Фукидид считал, что спартанцы начали Пелопоннесскую войну в 431 г. до н. э. из страха перед растущим могуществом афинян) к двухслойным построениям идеальных объектов, где один слой — описание в форме рассказа исторических событий, а второй (он, в свою очередь, может быть многослойным) — анализ причин, условий, разные типы размышлений, вплоть до философских (они ориентированы на решение проблем и задач, интересующих общество и историка). Это также переход от сюжетной истории к научной и дальше междисциплинарной, от построения схем и нарративов-рассказов к формулированию проблем и поиску их разрешения.

Проиллюстрирую сюжетную историю и научные исторические построения на примере исторического исследования П. Грина «Александр Македонский. Царь четырех сторон света» и моих комментариев к этой работе. Исследование Грина хорошо подводится под понятие сюжетной истории. Он описывает детство и взросление Александра Македонского, его воспитание, вступление на царство, созревание идеи похода на восток и завоевания восточных царств, организацию самого похода, этапы завоевания и главные сражения, отказ македонского войска углубляться в Индию, последние годы великого полководца. Налицо цепи событий, их начало, протекание и завершение. Много небольших рассказов в большом рассказе о жизни Александра Македонского.

Итак, история Александра Македонского в книге Питера Грина явно принадлежит к сюжетной, т. е. в основном это описание поступков и деяний великого полководца плюс поступки и действия людей из его окружения, греческих полисов, Персии и пр. Осмысляя эту сюжетную историю, я развернул еще несколько научных исторических построений⁴: реализации культурного месседжа, на который опирался Александр, личности самого Александра (от идентификации Александра с античным героем до собственного обожествления и потери критичности), наметил схему, на основе которой можно охарактеризовать некоторые особенности социальной технологии.

Автором культурного месседжа был афинский оратор Исократ, который в «Слове к Филиппу» призывал к общеэллинскому походу против Персии под руководством македонского царя, утверждая, что такая война «лучше мира и скорее похожа на священную миссию, чем на военный поход». В речах Исократ («Панегирике» и «Слову к Филиппу») «подчеркивались изнеженность и трусость, будто бы свойственные персам, и их неспособность вести войну, а также то обстоятельство, что можно будет захватить большую добычу малыми силами. В обеих содержалась идея совместной борьбы против общего врага как альтернативы нескончаемым междоусобицам, раздиравшим Грецию»⁵.

⁴ Розин В. М. Природа социальности. Проблемы методологии и онтологии социальных наук. — М.: URSS, 2016. — С. 47–70.

⁵ Грин П. Александр Македонский. Царь четырех сторон света. С. 41.

Как мы видим, культурный месседж, с помощью которого Александр инициировал и воодушевил греков, содержал две важные составляющие. Первая, связанная с реальным вызовом, — необходимостью преодолеть междоусобицу. Вторая, скорее собственно идеологическая (идейная), а именно обещание лучшей жизни и власти над персами. И не только: послание царя, происходившего от самого Геракла, воспринималось войском Александра как голос самого неба, как исходящее от высшего начала.

Интересно, что когда это послание было реализовано, Александру пришлось обновить армию, сделав ее полностью наемной, кроме того, он постарался уменьшить влияние македонян, а в экстремальных ситуациях прямо дезинформирует своих воинов. Если же, что бывает чаще, культурный месседж в части обещания лучшей жизни не удастся реализовать, поддержка власти (неважно, царской или демократической) начинает падать, а само послание быстро теряет свою двигательную энергию. Если исходное послание (Исократ) удалось полностью осуществить, то последнее послание — призыв к завоеванию Индии потерпело крах. Во-первых, это послание было слабо мотивировано (зачем, спрашивается, завоевывать совершенно незнакомую страну, и неизвестно, какие опасности там ожидали греков), во-вторых, в Индии условия жизни армии стали настолько невыносимы, что армия взбунтовалась и заставила царя повернуть назад⁶.

Как правило, ядро культурного месседжа составляют схемы, что и понятно, поскольку *схемы разрешают проблемные ситуации, задают новую реальность, позволяют иначе действовать*⁷. Схемы могут вменяться обществу, сообществам, отдельным индивидам, массам. Культурный месседж и схемы адресуются заинтересованным субъектам или субъектам, подлежащим управлению. Но чтобы их увидеть, необходима специальная реконструкция. Например, манифесты Исократ могут быть истолкованы по-разному: просто как литературно-политические манифесты, как социальные послылы, адресованные греческим полисам, а также конкретно Филиппу и Александру, как схемы, отвечающие на тогдашние вызовы времени, задающие новую реальность, провоцирующие греков на завоевание Персии. В данном случае эти интерпретации не противоречат, а скорее дополняют друг друга.

Обобщая, можно высказать гипотезу, что как военные походы (войны), так и социальные реформы и, возможно даже, обычная социальная жизнь движимы культурными месседжами (социальными посланиями). Только одни из них требуют кардинальных социальных преобразований, а другие могут быть реализованы на основе уже сложившихся социальных процессов.

Работа Питера Грина позволяет указать основные условия реализации послания-проекта завоевания Персии. Во-первых, это большая хорошо подготовленная профессиональная армия, которую начинал создавать еще Филипп. Одна знаменитая македонская фаланга чего стоит.

«Воины ее имели на вооружении страшные сариссы, копьа длиной 13–14 футов... Так как они были примерно вдвое длиннее обычных пехотных копий, македоняне всегда имели возможность нанести первый удар при соприкосновении с противником. Воины фаланги проходили такую же серьезную военную подготовку, как впоследствии римские легионеры»⁸.

⁶ Там же. С. 202, 231, 233, 249, 251, 252.

⁷ Розин В. М. Введение в схемологию. Схемы в философии, культуре, науке, проектировании. — М.: ЛИБРОКОМ, 2011. — С. 21.

⁸ Питер Грин. Александр Македонский. С. 25.

По сути, армия Александра в плане подготовки и управления была в то время лучшей в Древнем мире. Нельзя скидывать со счетов и дух греческих воинов: судя по тому, что воины Александра Македонского не проиграли ни одного сражения, этот дух явно превосходил настроенность восточного противника. Во-вторых, македонская армия была очень хорошо для того времени оснащена технически. «Помимо полевых сил, во вторжении в Персию принимали участие многие специалисты, включая инженеров, механиков и топографов»⁹. В-третьих, греческую армию возглавляли сильные полководцы, во главе которых стояли Александр и очень опытный Парменион¹⁰. В-четвертых, что уже отмечалось, Александр и его полководцы превосходили своих противников в плане мышления. И дело не в простой хитрости и приемах (многие из них были известны и персам), а именно в реализации рационального подхода, включавшего анализ ситуации, выработку плана сражения, учет психологии противника, определение слабых мест в обороне, сосредоточение в этих точках превосходящих сил, обманные ходы и прочее¹¹. В-пятых, Александр постоянно поддерживал дух армии, как своим примером (во многих сражениях он не только руководил боем, но и принимал в нем непосредственное участие как ведущий атакующий кавалирист), так и постоянной заботой

⁹ Там же. С. 102. Техническую подготовку армии можно проиллюстрировать на примере осады Тира. Сначала были построены огромная дамба и осадные мосты, с мощью которых можно было приблизиться к отвесным стенам города. «На конце дамбы были размещены метальщики, лучники и легкие катапульты... Инженеры Александра построили много стенобитных машин, которые были укреплены на больших платформах, каждая из них поддерживалась двум баржами. На таких плавучих платформах установлены были тяжелые катапульты, защищенные от ударов с воздуха. Эти суда, сопровождаемые обычными кораблями, окружили остров со всех сторон, образовав правильный круг» (там же. С. 158).

¹⁰ Между Парменионом и Александром почти в течение всей персидской кампании шла глухая борьба за власть над армией. Но Александр всегда «понимал его ценность как полководца, к тому же Парменион обеспечил возможность наследования престола, и за эту услугу приходилось платить дорого» (там же. С. 102).

¹¹ Особенно это превосходство проявлялось в сражениях с варварами. Вот всего лишь один пример — взятие крепости иллирийского царя Клита, где главным было не мастерство воинов, а понимание психологии противника. «Александр пошел на осаду крепости, хотя времени для ее организации было мало. Однако у него были минимальные шансы взять эту крепость, считавшуюся почти неприступной. С трех сторон она была окружена лесистыми горами, а маленькая долина между крепостью и рекой могла легко превратиться в ловушку. Для македонян почти так и вышло — они были отрезаны от остальных сил. Но Александр придумал блестящий ход, один из самых искусных в истории военного дела. На другое утро он построил в долине свое войско и начал учебные маневры, так, чтобы их видел противник. Фаланга была построена правильными рядами по 120 человек, и по 200 всадников находились на каждом фланге. По приказу Александра учебные маневры проходили в полном молчании. Варвары никогда не видели ничего подобного и со своих позиций наблюдали за этим ритуалом со смешанным чувством страха и любопытства. Мало-помалу группы воинов стали приближаться к месту учений. Александр следил за ними, выжидая удобного случая. Наконец, он дал условный сигнал. Кавалерия на левом фланге пошла в атаку, а все пехотинцы в фаланге начали бить копьями о щиты, и из тысячи глоток вырвался ужасающий боевой клич македонян: «Алалала!». После этого внезапного взрыва шума, особенно после мертвой тишины, у соплеменников Глаукия сдали нервы. В панике они побежали в крепость. Только тогда противник опомнился, до него дошло, что македоняне вырвались из тщательно подготовленной им ловушки. Враги сумели перейти в контрнаступление. Александр с конниками и легкими пехотинцами успели занять оставленный неприятелем холм у брода и сдерживали натиск, пока не были переправлены на другой берег македонские осадные машины. Лучники заняли оборонительную позицию у реки. Пока не закончилась переправа, град стрел и камней, выпущенных из катапульт, не давал людям Клинта вмешаться. И снова Александр провел сложную и рискованную операцию без потерь» (там же. С. 88–90).

о бойцах. Например, после взятия Галикарнаса «всех воинов-молодоженов царь отослал домой на зимний отпуск, что еще увеличило его популярность»¹².

В целом указанные здесь моменты образовывали то, что с современной точки зрения можно назвать *социальной технологией*, созданной для реализации греческого социального послания. Перенесемся через два тысячелетия и сравним эту технологию с той, которую создала нацистская Германия для реализации проекта окончательного решения еврейского вопроса. З. Бауман в работе «Актуальность холокоста» показывает, что на первом этапе нацистская элита, получившая власть, посылает обществу нужное для этой власти послание; конкретно, они вменяли немцам представления, по которым евреи — источник всех зол, и очищение от них Германии является первоочередной национальной задачей¹³.

Ко второму этапу можно отнести разработку необходимой для практического осуществления нацистского послания *социальной технологии* (сначала вытеснения евреев из Германии, затем полного их уничтожения). Эта технология включала в себя следующие этапы: *определение* (построение типологии, позволяющей отделить еврея от арийца, а также задать промежуточные типы)¹⁴, *увольнение служащих и экспроприация коммерческих компаний, концентрация* (дистанцирование от общества и помещение в лагерь смерти), *эксплуатация труда и голодомор, уничтожение*.

К третьему этапу, хотя он разворачивался одновременно со вторым, нужно отнести создание *институтов*, обеспечивающих воспроизводство созданной технологии (научных институтов изучения еврейского вопроса, отделов в СМИ, «экономического отдела Главного управления имперской безопасности», лагерей смерти и других). Можно предположить, что эти три этапа (разработки и вменения социальных посланий, создания технологии и типологий, формирования институтов) характерны для процессов «социальной технологизации» и в других социальных областях.

Небезынтересна и личность Александра Македонского. Известно, что Александр Македонский был сыном царя Филиппа, тоже достаточно выдающейся личности, получил прекрасную подготовку в военном деле, и несколько лет его учителем был сам Аристотель. Но спрашивается, какое влияние на будущего македонского царя и завоевателя восточного мира оказали эти два мужа? Судя по книге Грина, Филипп

¹² Там же. С. 127.

¹³ Узкой руководящей части элиты адресовалось другое послание, а именно, необходимость окончательного решения еврейского вопроса.

¹⁴ «Определение обособляет виктимизированную группу (все определения означают разбивание целого на две части — маркированную и немаркированную) как отличную категорию, и что бы ни применялось к ней, не относится ко всем остальным. Посредством самого определения группа становится объектом особого обращения; то, что верно в отношении «обычных» людей, вовсе не обязательно верно в отношении такой группы. Индивиды — члены группы становятся теперь вдобавок экземплярами определенного вида». «Наибольшей удачей нацисты достигли в обезличивании евреев. Чем больше еврей изгонялся из общественной жизни, тем сильнее он, казалось бы, подходил под стереотипы антиеврейской пропаганды, которая, как это ни странно, становилась тем сильнее, чем меньше евреев оставалось в самой Германии» (Бауман З. Актуальность холокоста. — М.: Европа, 2010. — С. 224, 226).

выступал для Александра не только образцом воина и царя¹⁵, но и задал отношение к греческим полисам, закат которых уже ощущался. Разгромив объединенную армию Фив и Афин, Филипп «не стал посылать гарнизоны в большинство крупных полисов (собственно, почти во все), но и без того было понятно, в чьих руках реальная власть. Греческие государства сохранили лишь тень прежней независимости»¹⁶. Став царем, Александр по отношению к греческим полисам придерживался той же стратегии «кнута и пряника». Например, организуя поход в Персию, Александр собрал в Коринфе Совет Эллинского союза, куда были приглашены и представители тех стран, которые отказывались признать его власть. «Напуганные греки присылали посольства, кое-как пытаясь соблюсти достоинство». Совет единогласно «избрал Александра гегемоном вместо отца», зато греческие государства снова объявлялись «свободными и независимыми»¹⁷.

Хотя неизвестно, чему конкретно Александра учил Аристотель, можно примерно догадаться об общем тренде. С одной стороны, это культура мышления, которая потом не раз помогала Александру, гениально воссоздававшему психологию и замыслы противника, изобретавшему более эффективные схемы сражений, проводившему достаточно разумную политику в отношении завоеванных народов¹⁸. С другой стороны, именно Аристотель повлиял на формирование у Александра полисного мировоззрения. Это было достаточно универсальное видение мира как единого целого, управляемого Разумом (при сохранении, так сказать, полюсов — отдельных городов-государств); причем, возможно, додумал уже сам ученик, на земле это единство мог обеспечить некий царь-демиург (почему не Александр?).

Александр недаром ощущал себя Ахиллом, он и жил как этот божественный персонаж. Вот двадцатилетний сын Филиппа после убийства отца, в котором некоторые подозревали самого Александра, становится законным царем. Кажется, правь спокойно в Македонии. Так нет, Александр тут же создает Эллинский союз и организует поход против Персии. И пошло-поехало: сражения, и какие, причем всегда Александр — победитель, новые походы — в Египет, Среднюю Азию, Индию, да всех его деяний и не перечислишь. По масштабу они вполне такие, которые подобают именно героям. Похоже, уже подростком Александр ощущает в себе героическое начало, один эпизод

¹⁵ «Следуя по стопам отца, мальчик (Александр. — В. Р.) хотел не только ни в чем не отставать от него, но и превзойти. Мальчиком он отождествлял себя с Ахиллом, от которого будто бы происходил род его матери. С отцовской же стороны Александр мог проследить свое происхождение вплоть до Геракла. Было бы крупной ошибкой недооценивать серьезность, с которой в Древнем мире относились к подобным генеалогиям. Героические мифы были для греков и македонян живой реальностью, к которой периодически обращались политики и полемисты. Без таких обращений к мифологии их просто не стали бы слушать» (Питер Грин. Александр Македонский. С. 36). Александр, принимая в дальнейшем судьбоносные решения, всегда апеллировал к богам и спрашивал мнение оракулов, как правило, дававших ответы, которые можно было при желании истолковать в пользу царя. Стоит уточнить и понятие мифа: это была не просто живая реальность, правда, уже слегка покрытая ржавчиной условности, а «непосредственная реальность», т. е. указывающая для греков на то, что существует на самом деле.

¹⁶ Питер Грин. Александр Македонский. С. 60.

¹⁷ Там же. С. 84.

¹⁸ «Он усвоил и всестороннее научное любопытство учителя, а также сопутствующий этому сугубо практический склад ума. Он проявлял интерес к медицине и биологии, любимым предметам Аристотеля, читал и обсуждал поэтов, первым долгом Гомера, учился основам геометрии, астрономии и риторики, прежде всего — искусству ведения спора и умению рассматривать предмет с разных сторон (эвристика). Это искусство пришлось Александру очень по душе, и в этом смысле уроки Аристотеля имели очень весомые последствия» (там же. С. 47–48).

с укрощением жеребца Буцефала чего стоит¹⁹. Здесь проявился образ, который Александр стремился подтвердить всю жизнь: поступок, сравнимый с героическим подвигом, восхищение зрителей, нечеловеческая смелость и победа. Этот образ Александр всегда подкрепляет и визуально. Например, в первой битве с персами при Гранике на Александре «были великолепные доспехи из храма Афины в Илионе, щит его украшен был не хуже, чем щит Ахилла, а самого царя окружали оруженосцы и штабные командиры»²⁰.

Но одно дело героическое самоощущение Александра, другое — так сказать, институциональное подтверждение этого ощущения, и даже больше божественного происхождения, храмовой и аристократической элитой. Особенно показателен эпизод с провозглашением Александра фараоном Египта. Он мог бы понять этот обряд именно как ритуал чужой культуры, но Александр воспринял торжественное провозглашение как подтверждение веры его матери Олимпиады «в его божественное происхождение».

«Его собственные свершения уже могли соперничать со свершениями Геракла. И тут, среди древнего великолепия египетской культуры, которая, очевидно, вызывала у эллинов своего рода благоговейный трепет, Александр узнает, что он поистине бог и сын бога. Греческая традиция явно различает эти два понятия, египетская же — нет»²¹.

Судя по всему, чем дальше, тем больше Александр укрепляется в новом и таком желаемом мироощущении своей божественной природы.

Правда, непонятно, каким образом Александр совмещает в своем сознании и телесности столь разных богов — греческого Зевса, персидского Ахурамазды, египетского бога Ра? А они как-то уживаются в личности Александра. Нельзя ли здесь вспомнить о двойственности (амбивалентности) античного человека, верящего одновременно в богов и, так сказать, в рацию (идеи, сущности, разум)? Как ученик Аристотеля, Александр, возможно, мог рассуждать следующим образом. Разум — это божественное существо и, одновременно, «перводвигатель», мыслящее себя идвигающее своей мыслью планеты, да и все на земле. На земле двигателями являются, с одной стороны, философы (проводники разума), с другой — герои и полководцы, действующие и разумно, и практически. Миссия последних заключается в реализации идей разума в форме создания единой вселенной и империи. Разные же боги (Зевс, Ахурамазды, Ра) — это, как бы выразились средневековые мыслители, всего лишь разные ипостаси разума. Но не много ли я хочу от Александра Македонского, не философа, а полководца и царя?

Стремление Александра к все новым и новым завоеваниям и походам ведь можно объяснить и вполне прагматическими причинами: с одной стороны, ему нужны были большие средства, чтобы содержать огромную армию и поддерживать свою власть как

¹⁹ Конюхи Филиппа нашли, что Буцефал совершенно неуправляем. Тогда девятилетний Александр предложил отцу справиться с конем. Он «подбежал к Буцефалу, взял его под уздцы и повернул к солнцу (мальчик заметил, что жеребца смущает его подвижная тень). Александр некоторое время постоял рядом с конем, поглаживая его, чтобы успокоить, а затем сбросил плащ и вскочил на Буцефала с тем проворством, которое отличало его и в зрелые годы. Сначала седок натянул поводья, потом отпустил, и конь помчался по равнине. Филипп и окружающие его люди, как сообщает Плутарх, «от волнения потеряли дар речи», но Александр вскоре прискакал обратно, к восторгу всех присутствующих. Филипп пошутил не без гордости: «Тебе придется искать себе другое царство — Македония маловата для тебя» (там же. С. 39–40).

²⁰ Там же. С. 114.

²¹ Там же. С. 167.

в Греции, так и в завоеванных странах²², с другой — для Александра сражения, победы, завоевания, да и просто завоевательные путешествия стали своеобразным наркотиком, без которого он не мог жить. Укрепление власти объясняет и желание Александра принять на себя божественные прерогативы. Думаю, понять личность Александра можно, лишь совмещая его героические устремления со вполне земными целями и привычками.

Но как известно, власть развращает, абсолютная власть — развращает абсолютно. Не избежал этого и Александр Македонский. Он был человек своего времени, в борьбе за власть не чуждался даже, если это было необходимо, убийств. На заре своего царствования, когда против Александра был организован мятеж, он в частном письме к своей матери, Олимпиаде, которой полностью доверял, «просил ее о немедленном уничтожении Аминты и сына Клеопатры, Карана (Клеопатра была второй женой его отца Филиппа, а это ее дети. — В. Р.). Александр знал, что Олимпиада выполнит его требование»²³. В конце своих походов Александр был окружен льстецами, которые оправдывали любые несправедливые поступки царя, например, убийство им в гневе своего старого товарища Клита, осмелившегося сказать, что Александр поставил себя выше людей, и указывал на восточные пристрастия Александра, окружившего себя персидской знатью.

«В характере Александра произошла перемена к худшему. Он становился все более подозрительным и склонен был верить любым наговорам на своих чиновников. Царь сурово наказывал даже за сравнительно небольшие провинности, обосновывая это тем, что чиновники, в них виновные, могут легко совершить и серьезные преступления. Отчасти это было связано с его политикой, но были и другие причины. Сказались ли здесь упоение победами, огромные богатства, абсолютная власть, привычка к пьянству, постоянное напряжение или все это вместе, судить трудно. Но поступки царя теперь определяла не только политическая необходимость, но и его растущая мания величия»²⁴.

Исследование походов Александра Македонского дает хороший материал и для вопроса о природе античной войны. Например, я спрашивал: кто выиграл войну против персов? Александр, его армия или более развитое греческое общество и более совершенные социальные технологии? Понятно, что так вопрос нельзя ставить: сами по себе без людей (армии и полководцев) общество и технологии действовать не могут. Но все же имеет смысл утверждать, что в перспективе социального существования победили греческое общество и созданные ими технологии. Поскольку в древнем мире цена человека определялась только его социальной ролью, которая при военном поражении обнулялась, постольку проигравшие войну могли быть уничтожены без всяких сожалений. Вот яркий пример.

Когда организованное сопротивление Тира «было сломлено, в город ворвались ветераны Александра, взбешенные долгой тяжелой битвой за город, одержимые

²² С этой проблемой Александр столкнулся уже в самом начале своего царствования. «Филипп задолжал своей армии, и после его убийства оставался долг в 500 талантов. Даже дохода в 1000 талантов от Пангейских рудников (их Филипп захватил силой в 356 г. до н. э. и переименовал в Филиппу. — В. Р.) хватало лишь на треть для содержания македонской армии. Александр, сверх того, отменил прямые налоги, что, очевидно, укрепило его популярность, но значительно ухудшило ее финансовое положение. Царь был склонен считать, что лучше всего пополнить пустую казну за счет других, и в этом смысле возлагал надежды на сказочные богатства персидских царей. Сомневаться в выбранном пути не приходилось, и на следующий, 334 г. до н. э. было намечено вторжение в Персию при неохотном согласии Совета» (там же. С. 100).

²³ Там же. С. 92–93.

²⁴ Там же. С. 274.

жестокостью, и устроили кровавую охоту за людьми. Некоторые жители запирались в домах, совершая самоубийства. Александр приказал не щадить никого, кроме тех, кто находил убежища в храмах, и его приказы выполнялись с жестоким удовольствием. Во время этой оргии насилия погибло около 7000 жителей, и жертв было бы еще больше, если бы не сидонцы, которые вошли в город вместе с воинами Александра. Несмотря на вековое соперничество Тира и Сидона, они ужаснулись увиденному и сумели вывести в безопасные места до 15 000 тирцев»²⁵

Получается, что традиционная война представляет собой, во-первых, борьбу социальных сообществ и технологий, во-вторых, предполагает убийство и пленение людей, разрушение городов и селений, в-третьих, это механизм социальной эволюции. Действительно, походы Александра Македонского привели к созданию не только империи, но и к формированию культуры эллинизма. С распадом державы Александра Македонского в Передней и Малой Азии стали складываться новые формы социально-экономических отношений. На территорию империи переселилось много македонян и греков, принеших туда свои обычаи и культуру. Развивались товарное производство и рыночные отношения. Полития строилась на сочетании власти монархий с самоуправляющимися общинами. Все большую роль играли города. Культурная общность этого периода обеспечивалась в том числе распространением двух основных языков — общегреческого и арамейского, но во многих регионах сохранялись свои языки и обычаи. Произошли изменения и в быту. Четче проявились различия между культурой города и деревни. Процветала идеология космополитизма и индивидуализма. Это было время развития науки и искусства.

В наше время, особенно на Западе, цена отдельного человека постоянно растет. Кроме того, войны стали экономически убыточны, а чужие территории не нужны. Соответственно, трансформировались войны. В идеале развитие техники может привести к войне технологий и точечной ликвидации врагов (яркий пример здесь войны США и Израиля). Одно из следствий — миллионы беженцев.

То есть современная война в перспективе может обойтись без уничтожения людей. Но поскольку общества в мире находятся на разных уровнях развития, воспроизводятся и традиционные войны. Более того, наблюдается тренд культивирования варварства (например, фундаменталистские религиозные движения), связанный с развитием, направляемым более простыми (если не сказать примитивными), чем в современной западной культуре, идеями и нормами. В рамках этого тренда создаются движения и армии (маоистские, коммунистические, религиозные), например, Аль-Каида, Боко Харам, ИГИЛ, которые, применяя современное оружие и технику, ведут локальные войны, уничтожая всех несогласных, да и просто мирное население.

Если правы Делез и Гваттари, то нельзя скидывать со счетов и глубинную роль войны — быть средством освоения рифленого пространства²⁶. В этом смысле процессы глобализации, раскрывающие национальные границы, преодолевающие сопротивление отдельных государств, приводящие к прямым локальным или гибридным войнам, представляют собой современный вариант подобного освоения. И вряд ли такое освоение исчезнет в ближайшей перспективе.

Проведенное мною исследование принадлежит уже к междисциплинарной истории, в нем я обращался к разным научным дисциплинам (сюжетной истории, психологии личности, философии техники, социологии, семиотике). Решал два типа проблем: с одной стороны, пытался объяснить (осмыслить) событийную историю Питера Грина, с другой — разрешал проблемы, не связанные прямо с историей Александра

²⁵ Там же. С. 162.

²⁶ Делез Ж., Гваттари Ф. Трактат о номадологии: машина войны // Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. — М.: У-Фактория, 2010.

Македонского, например, старался понять, что такое война и какую роль она играет в социальной эволюции, как устроены социальные трансформации, в чем состояли особенности античной личности, размышлял над природой социальной технологии.

Некоторые характеристики прикладной новейшей истории я проиллюстрирую на материале книги Сергея Горяинова «Битвы алмазных баронов». Исторический дискурс Горяинова можно отнести к *конспирологическому*, в чем и состоит прикладное значение той истории, которую он написал. Правда, в данном случае нам предлагается не просто очередная конспирологическая теория, не просто раскрываются глаза на заговор против ряда государств, нет, утверждается, что современная форма развития мировых социальных процессов представляет собой сознательное управление глобальными сырьевыми рынками и мировыми событиями (ценами, потребностями населения, принятием политических решений и пр.). С точки зрения автора книги, заговорщики — это скорее средства и орудия такого управления, как говорится, «не эти, так другие». Тем не менее так сложилось исторически, что управляют миром англичане и американцы, причем не посредством своих правительств, а в лице политических клубов и элит.

«Под “клубами” и “элитами”, — пишет Гвидо Препарата, — я подразумеваю укоренившиеся и самовоспроизводящиеся братства, правившие англосаксонскими государствами: они были (и есть) образованы конгломератами династий, происходящих из банкирских домов, дипломатического корпуса, офицерской касты и правящей аристократии. Этот конгломерат и по сей день прочно вплетен в ткань современных “демократий”»²⁷.

Если у Горяинова и есть конспирология, то она проявляется в двух моментах. Во-первых, он как бы присоединяется к целям и миссии надправительственных элит (во всяком случае, не возражает против них), а именно установить господство над миром, во-вторых, раскрывает истинный механизм и ход современности, которые по понятным причинам, считает Горяинов, надправительственной элитой скрываются от непосвященных и тех, кем она манипулирует.

«Мы, — писал один из героев книги, создатель компании «Де Бирс» Сесил Джон Родс, — люди практичные, должны завершить то, что пытались сделать Александр, Камбиз и Наполеон. Иными словами, надо объединить весь мир под одним господством. Не удалось это македонцам, персам, французам. Сделаем мы — британцы»²⁸.

Традиционной экономической теории Горяинов противопоставляет ряд альтернативных экономических положений. Он убежден, что цена любого товара определяется не соотношением предложения и спроса, которую устанавливает «невидимая рука рынка», соответственно, развитие истории — не борьбой классов по Марксу, а сознательным управлением и регулированием, важное место в которых занимают внушение (реклама, пиар, информационное воздействие) и скрытая в силу незаконности, устанавливаемой государствами, политическая деятельность.

Например, когда цены на алмазы в мире стали быстро падать, Сесил Родс, создатель крупнейшей алмазной корпорации «Де Бирс», организовал, как бы мы сегодня сказали, информационную кампанию, в которой, с одной стороны, дискредитировались опалы, до того времени главенствующие у потребителей драгоценностей, чтобы резко

²⁷ Горяинов С. А. Битвы алмазных баронов. — М.: Алгоритм, 2013. — С. 254.

²⁸ Там же. С. 12.

понизить на них спрос, а с другой — пользователям внушалась мысль, что без алмазов и бриллиантов им не прожить²⁹.

Второе положение экономической доктрины Горяинова состоит в том, что именно цена на сырье определяет основные экономические процессы и связанные с ними глобальные рынки, причем эта цена вполне проектируемый и формируемый ресурс.

«Ценообразование на глобальных сырьевых рынках, — пишет автор, — это управляемый процесс с долгосрочным (30 и более лет) горизонтом планирования, осуществляемый в недрах гибких неформальных структур, объединяющих представителей ведущих добывающих корпораций, финансовых институтов и политической элиты. А цена на сырье — абсолютный инструмент влияния на все производственные рынки, вплоть до самого рафинированного хай-тека. Поэтому тот, кто контролирует глобальные сырьевые рынки, в конечном счете контролирует всю экономику планеты»³⁰.

Третье положение я фактически уже указал: управляют ценой на сырье и глобальными рынками не правительства, а клубы и элиты, и не любые, а принадлежащие англосаксонской культуре. Играть эти элиты против всех стран мира и регионов. Горяинов довольно подробно рассматривает действия надправительственных элит в отношении СССР, Германии, ЮАР, Японии и Китая, показывая, что властные сообщества этих стран (тоже элиты, но национальные), не осознавая того, действовали по указке англичан и американцев.

Впрочем, в каждой управляемой стране были специалисты, отчасти понимавшие, что происходит, но как умные и реалистичные люди они или поддерживали действия надправительственных элит (именно в пользу своей страны), или извлекали свой личный профит из сложившегося положения. Этим специалистам, своеобразным умным евреям при губернаторах, Горяинов очень сочувствует, по сути, считая их управляющей элитой второго эшелона. Возможно, и себя он причисляет к этому второму эшелону, ведь в течение ряда лет Горяинов входил в состав Совета по информационной политике компании «АЛРОСА» («Алмазы России — Саха»); кроме того, он владеет такими знаниями, которые свидетельствуют о некоторой принадлежности к высшим кругам руководства этой компанией, обогнавшей в последние годы по добыче корпорацию «Де Бирс».

Четвертое положение, точнее целая серия, касается социальной технологии, созданной надправительственными элитами для решения поставленных задач. Речь, конечно, идет о том, как ее видит Горяинов. Прежде всего, *необходима монополия на ресурсы и их ценообразование*. Отец «Де Бирс» начал именно с борьбы с Барни Барнато за монополию в алмазном бизнесе. «Родс был одним из немногих, кто понял, что алмазный рынок может успешно развиваться лишь в условиях предельной монополизации, которая способна обеспечить искусственный дефицит алмазного сырья, являющийся, в свою очередь, страховкой от неконтролируемого колебания цен»³¹.

Затем собственно *управление, важной составляющей которого выступают глобальные «проекты»*. Проекты необходимо спланировать, разработать, реализовать в жизнь, наконец, завершить. Горяинов последовательно рассматривает несколько таких проектов: проект СССР, призванный создать для Запада сырьевую базу алмазов, проект нацистской Германии, задачей которого было ослабление России и потребление производимых «Де Бирс» промышленных алмазов, проект ЮАР, на котором

²⁹ Там же. С. 24–25, 280.

³⁰ Там же. С. 277–278.

³¹ Там же. С. 18.

отрабатывалась стратегия глобального надправительственного управления, проекты Японии и Китая, предназначенные для покупки этими странами колоссального американского государственного долга.

Конечно, концепции, подобные изложенной, не обязательно испытывать на логическую и эмпирическую (фактологическую) прочность. Чаще всего читатели, которым конспиролог открыл глаза, принимают предлагаемую картину в силу ее привлекательности. Убеждает сама картина, и кому в таком случае нужны доказательства? Кроме того, не так уж много читателей — ученых, предъявляющих к построениям автора научные критерии и требования. Но здесь случай другой: сам Горяинов приводит доказательства и многочисленные факты в подтверждение своей концепции. Поэтому если мы сомневаемся в ней или имеем другое объяснение тех же самых событий, то имеет смысл рассмотреть, каким образом Горяинов убеждает читателя в верности своих, достаточно оригинальных взглядов.

Сначала чисто формальный момент. В дискурсе книги можно усмотреть три плана. В первом нам излагается история мирового алмазного бизнеса, и речь идет об объективных фактах (их в силу компетенции автора трудно не принять). Во втором плане дается интерпретация этой истории и ее событий, причем автор незаметно подводит нас к более серьезным обобщениям, касающимся уже не алмазного бизнеса, а надправительственной элиты, ее целей и задач, технологии решений и пр. В противоположность фактам интерпретации нуждаются в специальном обосновании, которое может вызывать у читателя сомнение. В третьем плане, который относится к последним главам книги, эти обобщения и гипотезы заявляются уже открыто, т. е. прямо рисуется картина того, что происходит на самом деле.

Самый уязвимый момент построений Горяинова — интерпретации излагаемых событий и связанные с ними гипотезы. Дело в том, что практически все факты и истории, рассматриваемые автором книги, можно истолковать иначе, а именно не как сознательные проекты и действия. Рассмотрим в связи с этим один пример. В пятой главе «Бриллианты и “диктатура пролетариата”» Горяинов в соответствии со своей концепцией утверждает, что именно сговор элит открыл в 20–30-е годы молодой Советской республике возможность получать западные технологии и подготовиться к войне с Гитлером.

«Не афишируемые договоренности о совместных операциях с крупными партиями бриллиантов закладывали базу той финансово-организационной сетевой структуры, которая впоследствии сыграла важную роль в передаче СССР оборонных технологий, и открывали возможности непосредственных неформальных контактов представителей англосаксонской и советских элит. <...> Через эту сеть СССР беспрепятственно получал доступ к новейшим оборонным технологиям. <...> Эта сеть, созданная в 1920-е годы, будет устойчиво работать все время существования СССР, обеспечивая в том числе фантастические “успехи советской разведки” в получении ядерных секретов и удивительно легкое преодоление “ограничений КОКОМ”»³².

Обратим внимание на две фразы: «через эту сеть СССР беспрепятственно получал доступ к новейшим оборонным технологиям» и «фантастические “успехи советской разведки” в получении ядерных секретов». По Горяинову получается, что беспрепятственный доступ к оборонным технологиям и ядерным секретам был сознательно спланирован как два этапа реализации англосаксонского проекта СССР. Однако известные мне исследования говорят о другом. Помимо алмазной линии, было несколько других, совершенно не связанных с Западом, и никакие успехи советской разведки не помогли бы, если бы Сталин не разработал и реализовал проект создания

³² Там же. С. 118, 122.

в молодой Советской республике оборонной промышленности. В его основу на первом этапе легли заказы на проектирование и строительство заводов фирме Альберта Кана, а также скрываемое от Кана освоение американского опыта российскими проектировщиками и строителями.

Действительно, утвердившись в мысли, что Страна Советов окружена врагами и надо готовиться к войне в условиях отсутствия промышленности, Сталин поставил большевистскому государству задачу в кратчайшие сроки и любой ценой создать мощную оборонную отрасль. Для этого правительство, с одной стороны, организовало сбор средств (продажа за границу культурных ценностей, торговля зерном, отъем имущества церкви и драгоценностей у буржуазии и прочее), с другой — изучив американский опыт проектирования и строительства, заказывает фирме А. Кана за огромные для тех времен деньги (более 200 миллионов долларов) проектирование и строительство заводов двойного назначения (и для войны, и для гражданских целей, но, естественно, американским строителям об этом не говорили).

За время действия контракта с Каном, который длился три года — с 1930-го по 1932-й, «был построен 521 завод. Стоимость контракта составила два с половиной миллиарда долларов. По теперешним деньгам — это 250 миллиардов! Что же построили за это время? Вот небольшой перечень из полутысячи наименований, взятый из статьи Дмитрия Хмельницкого. Тракторные заводы в Сталинграде, Челябинске, Харькове, Томске; самолетостроительные заводы в Краматорске и Томске; автомобильные заводы в Челябинске, Москве, Сталинграде, Нижнем Новгороде, Самаре; кузнечные цеха в Челябинске, Днепропетровске, Харькове, Коломне, Люберецке, Магнитогорске, Нижнем Тагиле, Сталинграде; станкостроительные заводы в Калуге, Новосибирске, Верхней Сольде; прокатный стан в Москве; литейные заводы в Челябинске, Днепропетровске, Харькове, Коломне, Люберецке, Магнитогорске, Сормово, Сталинграде; механические цеха в Челябинске, Люберецке, Подольске, Сталинграде, Свердловске; теплоэлектростанцию в Якутске; сталелитейные и прокатные станы в Каменском, Коломне, Кузнецке, Магнитогорске, Нижнем Тагиле, Верхнем Тагиле, Сормово; Ленинградский алюминиевый завод; Уральскую асбестовую фабрику и многие другие»³³.

Уж если кого и считать великим конспиратором и заговорщиком, то это был Иосиф Сталин, которого вряд ли бы допустили даже на порог англосаксонского клуба надправительственной элиты.

Итак, факты, которые приводит Горяинов, могут быть истолкованы совершенно иначе — как контрпримеры к его концепции. При этом меня не стоит понимать таким образом, что я отрицаю все возрастающее влияние надправительственных и внеправительственных неформальных структур. Безусловно, надправительственные клубы и элиты существуют и оказывают большое воздействие на ход мировых и государственных событий. Я сомневаюсь лишь в том, что это влияние единственное и самое существенное. Влияние государства, общества в лице парламента и даже президента, особенно если последний склонен к авторитарному правлению, может на порядок перекрывать воздействие надправительственных элит. Например, наш президент сначала стремился войти в клуб западных лидеров, но потом резко поменял политический курс. Вряд ли этот разворот на 180 градусов, крымские события и участие в военных действиях в Донецкой и Луганской областях Украины можно объяснить тем, что надправительственная мировая закулиса реализует очередной проект «Россия», в которой Путину отведена роль марионетки. Хотя именно так Горяинов и думает.

³³ Базаров В. Как американец Альберт Кан создал военно-промышленный комплекс Советского Союза». (Электронный ресурс.)
<http://berkovich-zametki.com/2011/Zametki/Nomer8/Bazarov1.php>.

«Скорее всего, — пишет он, — путинский госкапитализм был единственной возможностью избежать политического и экономического разложения России, сохранив ее в качестве прозрачного управляемого сырьевого экспортера, и в этом смысле — подлинного наследника СССР. Любые попытки самостоятельной ценовой игры, какими бы мотивами они ни были вызваны, отныне пресекались кремлевским руководством в зародыше. И вряд ли можно отрицать, что номинальные владельцы российских добывающих активов, “олигархи” — всего лишь послушные исполнители воли кремлевского руководства. Впрочем, это вполне достойный способ существования для сателлитов подлинных контролеров мировых рынков. История знает куда более мрачные варианты»³⁴.

Я сомневаюсь и в том, что цены на сырье и монополия в этой области являются главными в принятии политических решений. Такой взгляд проистекает из чисто экономического подхода к историческим событиям. Напротив, гуманитарный подход и исследования показывают, что значительно влиятельнее оказываются идеи (политические доктрины), личности авторитарных или демократических президентов, пассионарные властные элиты, исторические традиции и привычки народа.

Вероятно, различны у нас с Горяиновым также идеалы научного познания. Судя по тексту книги, Горяинов — сторонник естественнонаучного подхода, поэтому он старается описать *социальный механизм* мирового процесса, выявить *однозначные причины* принятия политических и экономических решений, а в конце книги отваживается даже на *прогнозы*³⁵.

С моей же точки зрения, анализ сверхсложных развивающихся органических социальных объектов — предмет не естественнонаучных исследований и не экономических, а исследований междисциплинарных. Многие исследователи отмечают, что большинство современных социальных исследований являются междисциплинарными. Здесь нет одной науки (дисциплины), на которую может ориентироваться исследователь. Наук несколько, причем какие нужно привлекать, часто выясняется только в процессе исследования. Логика исследования и понятия при смене научной дисциплины на разных этапах меняются. Целое и объект исследования определить достаточно трудно. Практика междисциплинарных исследований показывает, что в социальных явлениях сходятся и взаимодействуют, причем часто очень непривычно для социального ученого, много разных сторон (топов) и процессов³⁶. В результате понять механизм социальных явлений, добиться естественнонаучной и затем социально-инженерной ясности, «расколдовать», как говорил М. Вебер, социальный мир практически никому не удастся. А если удастся, как в книге Горяинова, то только за счет переупрощения изучаемого социального явления, причем такого, которое в плане практических приложений, например, в политике или реформировании чревато социальными деструкциями.

К сожалению, тренд социального развития в ряде регионов мира и стран, в том числе и в России, сегодня таков, что идет опрощение, понижение культуры, опора власти на электорат, сформированный СМИ под задачи управления массами для удержания власти, пренебрежение образованием и наукой, и наоборот, поддержка и расширение чиновников, армии, силовых ведомств. В рамках этого тренда оказываются востребованными как раз очень простые, а по сути, переупрощенные представления

³⁴ Горяинов С. А. Битвы алмазных баронов. — С. 179–180.

³⁵ Там же. С. 281.

³⁶ Розин В. М. Природа социальности. — С. 130–132.

социальных явлений, которые позволяют осуществлять «ручное управление» и вообще действовать, игнорируя реальность.

Таким образом, достаточно значимы объясняющие конструкции, в одном случае они создают условия для активности и воодушевляют, в других — наоборот, блокируют возможность социальных действий и вводят нас в апатию. Объяснения Горяинова, на мой взгляд, относятся ко второму типу. Действительно, представим, что я принял его картину и объяснения. Что могу сделать? Войти в надправительственную элиту, повлиять на ее деятельность, склонить ее участников к альтруизму и гуманизму? Смешно, ничего этого я осуществить не могу. Могу лишь удовлетвориться (утешиться) пониманием происходящего. Не потому ли книга Горяинова заканчивается странным пессимистическим пассажем в духе античной модели истории, где все идет по кругу и повторяется.

«Может ли, — спрашивает он, — положение поменяться, может ли смениться хозяин у минерально-сырьевой планетарной базы? Единственная попытка — германская — кончилась неудачей, и с тех пор серьезного претендента не видно. Но ничто не вечно под луной, династии вырождаются, ошибки накапливаются, и, может быть, детище гениального Родса скончается вследствие роста энтропии. И мир вернется в счастливый хаос, где нет места конспирологии и криптоэкономике, где спрос определяется предложением, а политический процесс — классовой борьбой, где бурлят так понятные “противоречия между трудом и капиталом”... Но рано или поздно из хаоса появится некто, кто откроет заново, а может быть, вспомнит формулу Родса: “Если на всем белом свете будет только четыре человека, нужно продавать алмазов столько, чтобы хватало лишь на двоих”»³⁷.

Какая-то получается безрадостная картина: мы обречены вечно становиться объектами манипуляций надправительственной элиты, к которой не приобщены и попасть в которую не можем. Однако, вероятно, Горяинов видит все не так, как я, что естественно. Набросаю его портрет.

Как я предположил выше, Горяинов принадлежит ко второму эшелону надправительственной элиты. В отличие даже от многих представителей надправительственных элит, он понимает, что происходит на самом деле. Горяинов владеет знанием, которого нет у других. И как знающий, о чем писал еще Паскаль, сразу поднимается над природой, в данном случае — над социальностью, элитой и своей частной жизнью. Как понимающий ход и механизм мировой истории, он живет в высшей реальности, большими событиями. В этом смысле спасается, продлевая свою жизнь в бесконечность.

Горяинов не просто практик, специалист по информационной политике, он еще «специалист-плюс» (термин Л. Голубковой), т. е. человек, размышляющий о своей профессии, старающийся понять, что происходит, думающий над смыслом и совершенствованием своей работы. И не только, Горяинова можно считать своего рода социальным философом, создавшим оригинальную концепцию. Как социальный ученый и философ он стремится к ясности, уяснению механизмов и причин социальной эволюции. При этом, как я уже отмечал, науку и философию он понимает в естественнонаучном ключе, а социальную реальность — преимущественно в экономическом плане.

Наконец, Горяинов, вероятно, скептик, человек, не верящий в разум и демократию. Он явный противник либеральной доктрины и марксизма. С его точки зрения, неравенство

³⁷ Горяинов С. А. Битвы алмазных баронов. — С. 284.

и манипулирование массами и целыми государствами — естественные состояния современного мира. Борьба с этим не имеет смысла.

Я не отрицаю, что мы своей деятельностью поддерживаем или изменяем социальную реальность, но вряд ли при этом достигаем поставленных целей. Известно, что культура постоянно превращает деятельность и ее продукты во что-то другое, в неподчиняющуюся нам вторую природу. На этот момент обращал внимание еще Г. Зиммель.

«Нам, — писал он, — противостоят бесчисленные объективации духа, произведения искусства и социальные нормы, институты и познания, подобно управляемым по собственным законам царствам, притязающие на то, чтобы стать содержанием и нормой нашего индивидуального существования, которое в сущности не знает, что с ними делать, и часто воспринимает их как бремя и противостоящие ему силы»³⁸.

Поскольку человек делает вклад в социальность и собственную личность, нельзя не быть социально активным хотя бы с той целью, чтобы противостоять тенденциям, с которыми мы не согласны, но также и с целью улучшения жизни. Одно из следствий такого отношения — необходимость самоопределения относительно добра и зла. С кем мы и против кого: с теми, кто старается помочь другим людям, работает на культуру, думает о последствиях своих действий в отношении других людей и т. п., или с теми, кто сознательно или бессознательно творит зло. Опять же понимаю, что определить в настоящее время, где добро, а где зло, очень трудно, если возможно вообще. Но проблематичность демаркации в этической области не избавляет нас от необходимости решать; все равно каждый из нас должен совершать выбор в пользу жизни и будущего или смерти.

Я уже отмечал, что Горяинов занимает позицию вне нравственности, он никак не оценивает действия надправительственной элиты; просто так сложилось, есть и будет. Изменить что-то кардинально, убежден он, в социальной жизни невозможно. В этом отношении его трудно понять. С одной стороны, Горяинов считает, что ничего сделать нельзя, поэтому должен был бы признать невозможность социальной инженерии. С другой стороны, надправительственная элита, с его точки зрения, занимается именно социальной инженерией. Почему им можно, а простому человеку или какому-то сообществу нельзя?

У меня в этом вопросе позиция вполне определенная: социальная инженерия невозможна, а общество и другие, отличные от нас люди — не пустой звук и не материал для преобразований. На общество можно оказать влияние, но только в том случае, если наши идеи и поступки оказываются в «зоне его ближайшего развития», так сказать, отвечают на реальные вызовы и проблемы, волнующие общественность. Причем если мы правильно мыслим и действуем, то отчасти мы эту зону и формируем, но понятно, что не мы одни заняты этим делом.

Трудно сказать, каким образом Горяинов вышел на изложенное здесь видение социальной реальности, но можно предположить, что главную роль в этом процессе сыграла его личность, портрет которой я наметил несколькими штрихами. Критика его видения не должна пониматься в том плане, что я считаю свое видение социальной реальности лучше или адекватнее. Если речь идет о мировоззрении и мироощущении, то наши видения несоизмеримы, как, судя по работам, несоизмеримы и наши личности. Другое дело, я имею право объяснять читателю, в чем вижу неудовлетворительность концепции Горяинова, с точки зрения моего понимания науки и социальной жизни. Дело

³⁸ Зиммель Г. Кризис культуры // Зиммель Г. Избранное. В 2 т. Т. 1. — М.: Юрист, 1996. — С. 490.

читателя теперь сравнивать наши портреты и работы, чтобы или принять концепцию Горяинова, или же согласиться с моей критикой ее.

При этом скептически настроенный к автору читатель может апеллировать к социологическим исследованиям и научному авторитету. Хорошо, рассмотрим эти аргументы. Действительно, социологические обследования показывают, что примерно 40% россиян верят в различные конспирологические теории и истории, начиная от заговоров США против России и заканчивая различными экзотическими теориями — например, многие россияне убеждены в заговоре финансовых международных элит, инопланетян или, наоборот, сокрытии западными правительствами контактов с внеземными цивилизациями.

Но ведь вера — это не наука. Если же говорить о последней, то общее место в представлениях ученых, изучающих конспирологические теории, что теории заговора используются для простого объяснения сложных общественных явлений.

«Любая конспирология, — пишет, например, Роман Хахалин, — по сути, это поиск простого и ясного объяснения сложному и многогранному миру с миллионами связей, взаимодействий, с долгими (и часто мучительными) процессами поиска согласия, налаживания сосуществования, соблюдения множества интересов. И если конспирологические объяснения (то есть, в сущности, присвоение явлениям несвойственных им мотивов и тенденций развития) могут быть иногда полезны в каких-то весьма узких сферах человеческой деятельности (например, некоторые аспекты работы спецслужб), то при перенесении их на весь мир или все общество в целом они неизбежно становятся несостоятельными»³⁹.

Другое убеждение ученых, изучающих данный феномен, что конспирологические теории не основываются на доказательствах, не оценивают достоверность источников, алогичны, абсолютно ненаучны. И правда, большинство теорий заговора грешат указанными двумя пороками. Но, согласен, не все. Существуют конспирологические теории и концепции, которые с доказательной и научной точек зрения выглядят достаточно правдоподобными. Я не пишу «истинными», а именно правдоподобными, поскольку такие теории больше напоминают версии в суде, чем собственно научные теории. Примерами первых теорий, назовем их условно «сомнительными», являются теории заговора США или украинского фашизма, аналогично — российского заговора и фашизма; они просты донельзя и основываются на действиях СМИ, пропаганде или, как сегодня модно говорить, используются в качестве оружия в «информационной войне».

Примером вторых, будем их так и называть «правдоподобными», выступают такие конспирологические концепции, как «заговор транснациональных групп, включающих финансовые, семейно-аристократические и предпринимательские элиты» или «экономический заговор замаскированных хозяев ФРС США (владельцев 20 наиболее могущественных банков)», ставящий своей задачей получение сверхприбыли за счет печатания доллара. Дело в том, что правдоподобные конспирологические теории бывают достаточно сложными и в своей аргументации используют современные научные знания — главным образом экономические, социальные, политологические, психологические. И адресованы они более образованному контингенту, хотя бы отчасти знакомому с данными научными дисциплинами.

Часто это настоящие исследования (чуть было не написал «научные», хотя сегодня в значительной мере потеряны критерии научности), это работы достаточно серьезные,

³⁹ Хахалин Р. Такая простая конспирология // Ежедневный журнал. 15 февраля 2013 г. (Электронный ресурс.) <http://shared.palsngals.com/?a=note&id=12667>

опирающиеся на большой фактический материал. Такова, например, проанализированная выше книга Сергея Горяинова «Битвы алмазных баронов».

Продумывая правдоподобные конспирологические дискурсы, можно высказать достаточно очевидное предположение о роли таких построений. Они проясняют для самого их создателя и того, к кому он обращается, что происходит в современном мире, куда все идет. Трудно переоценить значение этого, учитывая реальную сложность и неопределенность современности. Возможно, мне возразят, указав, что надо как раз исходить из сложности и неопределенности социальной реальности, не пытаясь ее расколдовать, сделав простой и понятной. Ну да, я сам рассуждаю именно так, но большинство людей думают и чувствуют иначе. Если они не понимают, что происходит, в чем смысл (например, почему падают цены на нефть, растут налоги и стоимость товаров и прочее), то впадают в депрессию, не знают, что делать. Анализировать многочисленные источники информации и комментарии к ним, сравнивать их между собой, думать, а что происходит на самом деле или достаточно правдоподобно — все это требует навыка, критического мышления, публичного обсуждения. Нас этому не учили, у нас вообще нет традиции политического мышления.

При этом я не стал бы недооценивать силу и привлекательность картин, прогнозов и рекомендаций, позволяющих современному человеку понимать, что происходит и как действовать. Особенно когда эти построения подкрепляются авторитетом науки. И не только потому, что конспирологические теории позволяют человеку почувствовать свою избранность. И не потому такие теории не стоит недооценивать, что они описывают происходящее. Достаточно сравнить между собой несколько правдоподобных конспирологических концепций, чтобы понять: никто не знает, как на самом деле, что реально происходит, все объясняют одно и то же по-разному. Сила правдоподобных мировоззренческих концепций в другом: они помогают современной личности построить мир, в котором последняя может жить и решать свои проблемы. Естественно, не один мир для всех, а мир индивидуальный под данного человека.

Отсюда понятна бесполезность разоблачения конспирологических теорий. Эти разоблачения разрушают с таким трудом выстроенный мир человека, поэтому последний всеми силами защищается. Здесь читатель, возможно, воскликнет: «Так что же, автор за конспирологические теории?» Я не «за» и «против», а хочу понять их природу и функцию. На мой взгляд, надо различать знания, полученные в научных исследованиях, и знания, следующие из правдоподобных конспирологических теорий (лучше бы, конечно, их называть не теориями, а концепциями или учениями). Философы и социальные ученые в настоящее время с большим трудом нащупывают особенности складывающегося буквально на наших глазах нового мира, и по моим наблюдениям, он далек от реальности, рисуемой конспирологами. Новый мир достаточно сложный, и хотя элиты, о которых рассказывают конспирологи, действительно пытаются управлять людьми и социальными процессами, их деятельность и влияние не единственные и даже не основные. Но это мое видение, а вдруг конспирологи гениально угадали (сомневаюсь, но все же этот вариант нельзя сбрасывать со счетов). Тем не менее, как я старался показать, куда более важная роль конспирологических теорий не в том, что они описывают, как на самом деле устроен современный мир, а в том, что такие теории выступают необходимым условием построения индивидами мира и реальности, в которых они могут жить. В этом отношении конспирологические дискурсы не могут быть правильными или ложными. Другое дело, социальная позиция. Но ее еще применительно к современности нужно правильно понять и сформулировать.

Имея в виду последнюю позицию, стоит отметить и герменевтическую природу конспирологических теорий. Что такое конспирологическое объяснение? Во-первых, объяснение, оцениваемое *негативно* в плане воздействия (порабощение, разрушение, захват, управление против воли другого и т. п.), во-вторых, *тайное*, скрываемое от своей

жертвы (по М. Фуко, это особенность одного из типов социального дискурса, его можно назвать «троянским конем»: публично заявляется одно, а реальная цель прямо противоположная). Но ведь и то и другое нам не дано объективно, а только в *интерпретациях*. Их источник — или социальные институты (например, государство), или сообщества, или отдельные конспирологи, или индивиды, склонные к конспирологическим объяснениям. Да, действительно, современное, особенно тоталитарное, государство и спецслужбы часто занимаются конспирологической деятельностью, плетя интриги, составляя заговоры, скрывая от общественности свои подлинные цели. Но другие, например демократические, поставленные под контроль общества и парламента, стараются обходиться без «троянской конницы». Тем не менее их тоже часто обвиняют в конспирологической деятельности, например, что они скрывают свои действия, противоречащие праву, или реальные контакты с внеземными цивилизациями.

Наконец, последнее соображение. Конспирологическое мышление не только герменевтично, т. е. дискурсивно, но ценностно. А что это за ценности? *Противостояния, конфликта, обособленности, нежелания встать на другую точку зрения, меняться*. Вряд ли такие установки могут помочь нам справиться с многочисленными современными социальными проблемами.

Мы рассмотрели только один пример прикладных историй, построенных на основе конспирологического подхода. Есть много других, опирающихся на другие идеи и концепции. Но думаю, для всех них характерны рассмотренные здесь моменты: приоритет личных убеждений над объективными факторами, построение реальности, в которой личность может реализовать свои идеалы и ценности, особый тип дискурса и обоснования, позволяющий игнорировать критику и факты.

2. История как образ жизни личности и культуры

Утверждают, что история — это знание о прошлом. Если знание, то, вероятно, речь идет о познании философском или научном. Коллингвуд считает, что о философском, о самопознании. Он спрашивает, для чего нужна история, в чем ее ценность, и отвечает: для человеческого самопознания, благодаря чему мы узнаем, что человек сделал и собой представляет. Не отказывается Коллингвуд и от научной трактовки истории:

«Каждый, — пишет он, — как мне кажется, согласился бы с тем, что история — это разновидность исследования или поиска. Я пока не ставлю вопроса о характере этого исследования. Главное в том, что оно — разновидность того, что мы называем науками, т. е. тех форм мышления, посредством которых мы задаем вопросы и пытаемся ответить на них. Важно понять, что наука вообще не заключается в коллекционировании уже познанного и в систематизации последнего в соответствии с той или иной схемой. Она состоит в концентрации мысли на чем-то таком, чего мы еще не знаем, и в попытке его познать»⁴⁰.

Вроде бы все правильно, но непонятно, в чем тогда специфика истории как формы познания и каким образом относиться к проблеме множества интерпретаций исторических событий? Присмотримся в связи с этим внимательнее к точке зрения, по которой история есть форма познания. Рациональные реконструкции истории относятся именно к такому пониманию. В рамках этого подхода история представляет собой *изучение прошлого*, как бы последнее ни понималось. При этом сам историк, хотя и захвачен историческим процессом в качестве частного лица, однако как историк, как ученый *он стоит над*

⁴⁰ Коллингвуд Р. Д. Идея истории. Пер. Ю. А. Асеевой. — М., 1980. — С. 12–13.

прошлым, понимаемым в качестве объективно существующей реальности. Полемизируя с подобным подходом, Михаил Бахтин писал:

«...существует абстрактная позиция третьего, которая отождествляется с “объективной позицией” как таковой, с позицией всякого “научного познания”... В жизни как предмете мысли (отвлеченной) существует человек вообще, существует третий, но в самой живой переживаемой жизни существуем только Я, ТЫ, ОН, и только в ней раскрываются (существуют) такие первичные реальности, как мое слово и чужое слово, и вообще те первичные реальности, которые пока еще не поддаются познанию (отвлеченному, обобщающему), а поэтому не замечаются им»⁴¹.

Перефразируя Бахтина, можно сказанное понять следующим образом: «В истории как предмете мысли (отвлеченной) существует прошлое вообще, существует историк как ученый, но в самой живой переживаемой жизни истории существуем только Я, ТЫ, ОН, и только в ней раскрываются (существуют) такие первичные реальности, мое понимание истории и чужое, и вообще те первичные реальности истории, которые пока еще не поддаются познанию (отвлеченному, обобщающему), а поэтому не замечаются им».

При этом меня не стоит понимать так, что не надо изучать прошлое. Естественно, нужно изучать, но, во-первых, не в рамках естественнонаучной методологии, которую, отстаивая специфику «наук о духе» (наук о культуре и истории), справедливо критиковали Дильтей и Бахтин, во-вторых, только к изучению прошлого история не сводится. Что же в истории есть еще? Для человека, **сознательно живущего в истории**, исповедующего «исторический образ жизни», история — это не только исторические знания, которые, кстати, тоже могут быть самыми разными (история в рамках объективного изучения прошлого, или гуманитарного изучения, или изучения для практических целей, например, идеологических, или не столько изучение, сколько, например, решение образовательной задачи и пр.), так вот, для такого человека история представляет собой аспект и способ настоящей его жизни, что, конечно, еще нужно правильно понять.

При таком истолковании прошлое смыкается с настоящим и даже, отчасти, с будущим. Но где смыкается? Не в самой истории как в течении событий и времени, захватывающих и нас, и других, в котором одни поколения сменяют другие, а в *нашем индивидуальном сознании, где история не столько прошлое, сколько настоящее, определяющее, как мы живем и действуем*. Когда Светлана Неретина, возражая К. Попперу, утверждавшему, что «не может быть никаких быт исторических законов», а потому, подобно многим историкам, рассматривающему историю «как интерпретацию событий», пишет, что «сама история есть этот универсальный закон мира, приведенного в сознание», что такой закон есть *мы сами как исторические существа*, она, на мой взгляд, продолжает и линию Августина, и линию Дильтея⁴². По сути, Неретина предлагает не считать многочисленные интерпретации истории целым.

Целое истории, позволяющее ее помыслить и установить сущность, — не только интерпретации истории, но и *исторический способ жизни личности* (это выражение мое. — В. Р.), и *исторический способ существования культуры*, проходящей в своем развитии несколько этапов. Неретина пишет, что *история*, являющаяся изначальным целым, есть сама жизнь, не требующая аподейктики, не требующая свидетельств и доказательств, что *миф* — это оформленная история, однако также не оставившая свидетелей и доказательств, что, наконец, то, что оставило свидетелей, точно берущих след (что собственно и означает слово «история»), это собственно история, которая и дала

⁴¹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Художественная литература, 1979. — С. 348–349.

⁴² Неретина С. Пауза созерцания. История: архаисты и новаторы. — М.: Голос, 2018. — С. 433.

рождение тому, что называли *историзмом*, — то, что относится к миру науки, имеющей дело с миром объектов. Прямая обязанность философии, утверждает Неретина, быть заодно с историей: они обе ведут к архе, к первопринципу, началу, в его дву(три)единстве — как истории, философии и поэзии⁴³.

Нельзя тогда сформулировать следующую дилемму — познание истории или жизнь в истории? Но можно ли исповедовать исторический образ жизни, не опираясь на исторические знания, на правильное изучение истории? И наоборот, можно ли правильно изучать историю, не живя в ней? Другая проблема, если исторический закон — мы сами как исторические существа, то как это понять? Для продвижения в этих проблемах обратим внимание на то, что и история, и философия, и искусство возникли в античности на фоне становления античной *личности*.

Обратим внимание на вторую характеристику личности — она *создает понятный ей мир*, в котором может себя реализовать. Именно для того, чтобы понять, как жить в изменяющемся мире, а также, кто я в разных ситуациях и на разных этапах жизни, чтобы понять, что общего у меня есть со мною в прошлом и сегодня, св. Августин в «Исповеди» вводит «историю личности», которую затем в «Граде Божьем» переносит на мир, построив схему всемирной истории. Кардинальные трансформации личности в данном случае были связаны с тем, что Августин, будучи по духу античным человеком (философом, ритором, скептиком), решив приобщиться к христианской вере, с невероятными усилиями преодолевал античные представления, приобщаясь к новым, христианским. При этом он менялся сам, и чтобы соответствовать этим трансформациям, вынужден был менять свои представление о мире.

Действительно, подумаем, каким образом вообще античная личность может помыслить свои собственные изменения и кардинальные изменения вне себя. Поскольку она действует самостоятельно и разрывает с традициями, постольку уже не может пользоваться привычными объяснениями, что, мол, боги все меняют. Как в этом случае объяснить изменения со мною и вне меня? Августин строит формальную схему: я в прошлом, я в настоящем и я в будущем — это один и тот же я; мир вчера, сегодня и завтра — один и тот же мир. Он отказывается, подобно манихеям, признать расщепление человека на доброго, ведомого богами, и злого, направляемого сатаной. Человек — един, утверждает Августин, он может преодолеть сопротивление в себе «ветхого» начала, поскольку ведом Богом.

Но что объединяет эти разные состояния меня и мира? Еще греки ответили: история. При этом они еще не могли понять, что это за история, в чем ее сущность. Говоря, что имя истории Клио, родившейся от Зевса и богини памяти Мнемозины, греки считали, что для написания истории важно запомнить события и осмысленно их пересказать. Правда, на вопрос, какие события запоминать, они не смогли бы ответить. Вероятно, поэтому греческие истории были достаточно неопределенными, включая в себя самое разное. Только в средние века появился всеобщий эталон для всех историй — ***история Христа, имевшая начало и конец и ясная в событийном отношении***. С тех пор подлинная история — это всегда история, имеющая начало и конец и ясная в событийном отношении (рождение и падение царства, походы Александра Македонского, жизнь цезарей, войны и прочее). Не о том ли самом пишет Светлана Неретина, утверждая, что миф — это сказ о жизни, как она *вообще* бывает, история — сказ о том, как она бывает в конкретный промежуток времени, возникает и умирает?⁴⁴

Если знания, полученные в генезисе, могут квалифицироваться как научные, и в этом смысле для нас достаточно нейтральные (за исключением тех индивидов, которые верят в науку как в истину в последней инстанции, но таких не так уж много), то

⁴³ Там же. С. 441–442.

⁴⁴ Там же. С. 20–21, 441.

исторические знания для человека, исповедующего исторический образ жизни, не нейтральны, а предельно жизненны. Сочиняя собственную историю, на основе сочинений историков, такой человек приобщается к опыту жизни Других, уясняет корни своего бытия, подключается к коллективным смыслам и энергиям, на порядки превышающим индивидуальные. Вот всего лишь один пример — моего учителя Г. П. Щедровицкого. В книге «Я всегда был идеалистом» он вспоминает, что подростком обожал читать историческую литературу.

«В определенном смысле, — пишет Щедровицкий, — я жил историей XIX века, а книги Лависса и Рамбо были очень занятной подготовкой к пониманию реальных событий... вся сложная картина исторического анализа XIX века — его уровни, планы и срезы — стояли передо мной как живые <...> действительность моего мышления была задана и определена чтением большого количества книг... там, в действительности мышления, существовало мое представление о себе и о своей личности... моя личность мною представлялась не в реальности ситуаций, в которых я на самом деле жил — двора, семьи, класса, школы, спортивной школы, непосредственных товарищей, а в действительности истории. Вот там и должна была помещаться, наверное, моя личность; там я, наверное, представлял ее себе каким-то образом, ну, может быть, не ее, но, во всяком случае, то, что должно быть сделано и совершено мною... для себя, в своих собственных проектах, устремлениях, ориентациях, я существовал только там, и только тот мир, мир человеческой истории, был для меня не просто действительным, а реальным миром, точнее, миром, в котором надо было реализовываться»⁴⁵.

Приобщившись к историческому образу жизни, Щедровицкий, заканчивая МГУ, выстраивает сценарий своей жизни. Для этого он сочиняет собственную историю событий, т. е. личную историю для себя (К. Юнг сказал бы, что сочиняет «личный миф»).

«В начале 1952 года, — пишет Щедровицкий, — твердо решил, что основной областью моих занятий — на первое десятилетие во всяком случае, а может быть и на всю жизнь — должны стать логика и методология, образующие “горячую точку” в человеческой культуре и мышлении... я представлял себя прогрессором в этом мире. Я считал (в тогдашних терминах), что Октябрьская революция начала огромную серию социальных экспериментов по переустройству мира, экспериментов, которые влекут за собой страдания миллионов людей, может быть их гибель, вообще перестройку всех социальных структур... И определяя для себя, чем же, собственно говоря, можно здесь заниматься, я отвечал на этот вопрос — опять таки для себя — очень резко: только логикой и методологией. Сначала должны быть развиты средства человеческого мышления, а потом уже предметные, или объектные, знания, которые всегда суть следствия от метода и средств... первую фазу всего этого гигантского социального и культурного эксперимента я понимал не в аспекте политических или социально-политических отношений, а прежде всего в аспекте разрушения и ломки всех традиционных форм культуры. И я был тогда твердо убежден, что путь к дальнейшему развитию России и людей России идет прежде всего через восстановление, или воссоздание культуры — новой культуры, ибо я понимал, что восстановление прежней культуры невозможно. Именно тогда, в 1952 году, я сформулировал для себя основной принцип, который определял всю дальнейшую мою жизнь и работу: для того чтобы Россия могла занять свое место в мире, нужно восстановить интеллигенцию России... Я, действительно, до сих пор себя мыслю идеологом интеллигенции, идеологом, если можно так сказать, собственно культурной, культурологической, культуротехнической

⁴⁵ Щедровицкий Г. П. Я всегда был идеалистом. — М.: Путь, 2001. — С. 106, 146, 148.

работы... Интеллигент обязан оставаться мыслителем: в этом его социокультурное назначение, его обязанность в обществе»⁴⁶.

Кстати, к истории как прошлому можно относиться по-разному, например, отождествляться с ней, поскольку там корни нашей жизни, или, напротив, игнорировать ее, не желая эти корни признавать. Щедровицкий в конце своей жизни реализует второе отношение.

«То, что я живу в тоталитарной системе, — пишет он, — я понял где-то лет в двенадцать. А дальше передо мной стоял вопрос — как жить? Я понял одну вещь — что я должен на все это наплевать, поскольку тоталитарная, нетоталитарная — знаете, никакой разницы между ними нет по сути... Когда я это понял, я дальше жил и работал. И обратите внимание, выяснилось, что это несущественно, в каких условиях вы живете, если вы имеете содержание жизни и работы. Иметь его надо! Нам ведь нужен этот тоталитаризм, чтобы мы могли говорить: “Вот если б я жил там! Я бы ох сколько натворил!” <...> Нет, если у вас что-то есть за душой, то вы можете развернуться и здесь. И вроде бы я есть живое доказательство этого, поскольку работаю-то я в философии — все время. И оказывается — можно работать! <...>

Я ведь утверждаю простую вещь: тоталитаризм есть творение российского народа. Народа! И соответствует его духу и способу жизни. Он это принял, поддерживал и всегда осуществлял. Вот ведь в чем состоит ужас ситуации...»⁴⁷.

Щедровицкий — яркий пример человека, для которого характерен исторический образ жизни. Таких много, но значительно больше других, не захваченных исторической реальностью. Дильтей, вероятно, предполагал, что историческое бытие — сущность каждого человека. Он прав, если считать, что все мы захвачены потоком исторических изменений и, одновременно живя, действуя, этот поток образуем. Но вряд ли с ним можно согласиться, если только речь не идет об индивидах, сознательно живущих в истории.

Что же, в конце концов, я вкладываю в понятие «исторический образ жизни личности»? По меньшей мере три момента. Во-первых, исторический образ жизни предполагает жизнь не только со своими современниками, но и с давно ушедшими людьми. Естественно, не со всеми, а со значимыми, интересными для нас. Говоря «жить», я имею в виду стараться понять их поступки, включать их в свой круг (люди, мои предки), черпать от них силы или, наоборот, защищаться, предоставлять, как писал М. Бахтин, им голос, задавать вопросы и прочее, т. е. все, что входит в гуманитарное понимание жизни как общения и единства совместного бытия.

Во-вторых, исторический образ жизни предполагает убеждение, по которому прошлая жизнь людей как-то определяет мою настоящую жизнь. Вариантов исторической детерминации, как показывают исследования, существует много: продолжающаяся во мне социальная традиция, разотождествление с ней, отрицание прошлого, переосмысление прошлой жизни, ассимиляция ее, обновление прошлого и т. д.

В-третьих, оба указанные здесь момента реализуются с опорой на правильные реконструкции истории, т. е. такие, которые удовлетворяют требованию «тождества и нетождества прошлого и настоящего».

С развитием у людей страсти писать истории меняется и сама жизнь культуры. Постепенно складывается еще один аспект истории — сообщества и социальные институты, для которых история выступает важным моментом их жизни (первые два аспекта — познание прошлого и исторический способ жизни личности). В данном случае

⁴⁶ Там же. С. 288, 302, 303.

⁴⁷ Щедровицкий Г. П. Философия у нас есть! <http://www.metodolog.ru/00142/00142.html>

можно предположить, что исторической «болезнью» заражались такие сообщества и институты, которые конституировали себя и начинали действовать как своего рода субъекты (личности). Вот одна иллюстрация — действия государства, основанные в том числе на определенной исторической реконструкции прошлого.

Речь пойдет об атомных проектах США и СССР. Уже до Второй мировой войны стало понятно, что на основе деления урана можно создать сверхмощное оружие. Дальше правительства обеих стран, выступающие в роли своеобразных сверхиндивидуальных субъектов, рассуждали примерно так: «История показывает, что страны, опережающие других в научном и техническом развитии, создают более совершенное оружие и побеждают». Наша цель — победить. Следовательно, если мы сосредоточим свои усилия на развитии науки и промышленности (для СССР эта задача была на порядок более сложной, чем для США), на разработках атомного оружия, то сможем первыми (или вторыми) создать это оружие и победить.

Другими словами, на основе реконструкции прошлого конструировалось и проектировалось будущее. Дальше оба правительства предпринимают сверхусилия для реализации этого замысла и разработанного на его основании проекта. При этом пришлось развивать исследования, создавать новые отрасли промышленности, не раз уточнять сам проект. Но в результате обеим странам удалось реализовать исходный замысел, и будущее, которое только замышлялось и сценировалось, наступило как настоящее. Можно указать на три особенности этого дискурса. Во-первых, в данном случае будущее сознательно строится. Во-вторых, оно понимается как современный вариант прошлого. В-третьих, это строительство основывается на технологических достижениях (речь в данном случае идет о «технологии в широком понимании» и больших техносоциальных проектах⁴⁸). В-четвертых, реализованное будущее понимается как локальное, т. е. это будущее характерно не для всех сторон жизни общества, а лишь некоторых; другое дело, что созданное локальное будущее часто начинает определять и другие стороны жизни.

Конечно, это уникальный случай. Более характерно другое воздействие истории на жизнь народов и культуры: истории, которые пишут люди, способствуют не столько диалогу культур, сколько развитию торговли, коммуникаций и понимания, обмену этническим и национальным опытом, созданию предпосылок для процессов глобализации.

Литература

Базаров В. Как американец Альберт Кан создал военно-промышленный комплекс Советского Союза. (Электронный ресурс.)

<http://berkovich-zametki.com/2011/Zametki/Nomer8/Bazarov1.php>.

Бауман З. Актуальность холокоста. — М.: Европа, 2010. — 316 с.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Художественная литература, 1979. — 341 с.

Горяинов С. А. Битвы алмазных баронов. — М.: Алгоритм, 2013. — 288 с.

Зиммель Г. Кризис культуры // Зиммель Г. Избранное. В 2 т. Т. 1. — М.: Юрист, 1996. — С. 489–661.

Грин П. Александр Македонский. Царь четырех сторон света. — М.: Центрполиграф, 2010. — 124 с.

⁴⁸ Розин В. М. Техника и технология. От каменных орудий до роботов и Интернета. — Йошкар-Ола, ПГТУ, 2016. — 280 с.

- Делез Ж., Гваттари Ф. Трактат о номадологии: машина войны // Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. — М.: У-Фактория, 2010. — 896 с.
- Коллингвуд Р. Д. Идея истории. Пер. Ю. А. Асеевой. — М.: Наука, 1980. — 485 с.
- Неретина С. Пауза созерцания. История: архаисты и новаторы. — М.: Голос, 2018. — 512 с.
- Розин В. М. Природа социальности, Проблемы методологии и онтологии социальных наук. — М.: URSS, 2016. — 288 с.
- Розин В. М. Введение в схемологию. Схемы в философии, культуре, науке, проектировании. — М.: ЛИБРОКОМ, 2011. — 256 с.
- Розин В. М. Техника и технология. От каменных орудий до роботов и Интернета. — Йошкар-Ола, ПГТУ, 2016. — 280 с.
- Хахалин Р. Такая простая конспирология // Ежедневный журнал. 15 февраля 2013 (электронный ресурс). <http://shared.palsngals.com/?a=note&id=12667>
- Шпет Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Часть 1. Перевод с лат. В. И. Коцюба, пер. с нем. и англ. В. Л. Махлин, пер. с фр. Н. Автономова, пер. с греч. М. А. Солопова. — М., 2014. <http://www.rulit.me/books/istoriya-kak-problema-logiki-chast-pervaya-materialy-read-418006-1.html>
- Щедровицкий Г. П. Я всегда был идеалистом. — М.: Путь, 2001. — 368 с.
- Щедровицкий Г. П. Философия у нас есть!
<http://www.metodolog.ru/00142/00142.html>

References

- Bazarov V. Kak amerikanec Al'bert Kan sozdal voenno-promyshlennyj kompleks Sovetskogo Soyuza [How the American Albert Kahn created the military-industrial complex of the Soviet Union] <http://berkovich-zametki.com/2011/Zametki/Nomer8/Bazarov1.php>.
- Bauman Z. Aktual'nost' holokosta [The relevance of the Holocaust]. — Moscow: Europe, 2010. — 316 p. (In Russian)
- Bahtin M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. — Moscow: Fiction, 1979. — 341 p. (In Russian)
- Goryainov S. Bitvy almaznyh baronov [Battle of the Diamond Barons]. — Moscow: Algorithm, 2013. — 288 p. (In Russian)
- Zimmel G. Krizis kul'tury [Culture crisis]. Simmel G. Favorites. In 2 volumes T. 1. — Moscow: Lawyer, 1996. — S. 489–661. (In Russian)
- Grin P. Aleksandr Makedonskij. Car' chetyrekh storon sveta [Alexander the Great. The king of the four cardinal points]. — Moscow: Tsentrpoligraf, 2010. — 124 p. (In Russian)
- Delez J., Gvattari F. Traktat o nomadologii: mashina vojny [A treatise on nomadology: a machine of war] In. Tysyacha plato. Kapitalizm i shizofreniya [A thousand plateaus. Capitalism and schizophrenia]. — Moscow: U-Factoria, 2010. — 896 p. (In Russian)
- Kollingvud R. Ideya istorii [Idea of history]. Per. Yu.A. Aseeva. — Moscow: Nauka, 1980. — 485 p. (In Russian)
- Neretina S. Pauza sozercaniya. Istoriya: arhaisty i novatory [Pause of contemplation. History: Archaists and Innovators]. — Moscow: Golos, 2018. — 512 s. (In Russian)
- Rozin V. Priroda social'nosti, Problemy metodologii i ontologii social'nyh nauk [The nature of sociality, Problems of the methodology and ontology of social sciences]. — Moscow: URSS, 2016. — 288 p. (In Russian)

Rozin V. Vvedenie v skhemologiyu. Skhemy v filosofii, kul'ture, nauke, proektirovanii [Introduction to schematics. Schemes in philosophy, culture, science, design]. — Moscow: LIBROCOM, 2011. — 256 p. (In Russian)

Rozin V. Tekhnika i tekhnologiya. Ot kamennyh orudij do robotov i Interneta [Technique and technology. From stone tools to robots and the Internet]. — Yoshkar-Ola, PSTU, 2016. — 280 p. (In Russian)

Hahalin R. Takaya prostaya konspiologiya [Such a simple conspiracy thesis]. Daily magazine. February 15, 2013 (electronic resource). <http://shared.palsngals.com/?a=note&id=12667> (In Russian)

Shpet G. Istoriya kak problema logiki. Kriticheskie i metodologicheskie issledovaniya [History as a problem of logic. Critical and methodological studies]. Part 1. Translation from lat. In and. Kotsyuba, per. with him and ang. V. L. Makhlin, per. with fran. N. Avtonomova, per. with greek. M. A. Solopova. — Moscow, 2014. <http://www.rulit.me/books/istoriya-kak-problema-logiki-chast-pervaya-materialy-read-418006-1.html> (In Russian)

Schedrovickii G. YA vseгда byl idealistom [I have always been an idealist]. — Moscow: Way, 2001. — 368 p. (In Russian)

Schedrovickii G. Filosofiya u nas est' [We have a philosophy!] <http://www.metodolog.ru/00142/00142.html> (In Russian)

Discourses of historical knowledge and history as a way of life

Rozin V. M.,
Institute of Philosophy RAS

Abstract: According to the author, the whole of history, allowing it to be conceived and established, is not only the interpretation of history, but also the historical way of life of a person and the historical way of existence of culture. The reality of history merges in a certain sense with the present; history — not only acts on a person like art, it relies on historical facts, unfolds before us stories that are eventually clear, having a beginning and an end, provides us with knowledge about the past (in the form of certain versions, interpretations), suggests a new, historical reality in culture. A distinction is made between three types of history: «plot», «applied» and «scientific» («interdisciplinary»). The last version of history is associated with the process of conceptualizing history in philosophy and science, which begins at the end of ancient culture and in the Middle Ages, but it really only gains strength in modern times. This is not just a philosophical and scientific understanding of historical constructions and explanations, but also the creation of a methodology of history and the practice of historical research — historical science itself. The story as a story about past events appears in historical science only as an empirical basis. In interdisciplinary history, the main thing is the creation of principles and ideal objects. With their help, theoretical and philosophical problems and tasks that were posed during the reflection on the events of the plot story are solved. The material of one case analyzes the features of applied history.

Keywords: history, reconstruction, events, conceptualization, plot, science, justification, schemes, consciousness, thinking.